

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

КОНФУЦИЙ СОКРАТ

Я ЗНАЮ,
ЧТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ

Москва
Издательство АСТ

УДК 1(091)(510)

ББК 87.3

К65

Дизайн серии *Виктории Лебедевой*

Дизайн обложки *Владислава Воронина*

Книга Конфуция:

составление и предисловие *Владимира Малявина*;
перевод с китайского *П. Попова, В. Малявина, И. Канаева*;
комментарии *В. Малявина, Е. Ямбурга, И. Канаева*

Книга Сократа:

составление, предисловие, комментарии *Александра Маркова*
перевод с греческого *М. Соловьева, В. Карпова, С. Соболевского*

Конфуций, Сократ

К65 Я знаю, что ничего не знаю / Конфуций, Сократ; сост., предисл., коммент. В. Малявина, А. Маркова и др. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 384 с. — (Всемирное наследие).

ISBN 978-5-17-145143-1

Греческий мыслитель Сократ был на восемьдесят лет моложе китайского философа Конфуция, но тем не менее они принадлежали одной эпохе, которую принято называть «осевым временем»: временем поиска смысла жизни, появления новых представлений о справедливости, правде и спасении. Они оба были педагогами, оба учили современников обращать внимание не на частности жизни, а на общие идеи и правила, не навязывали своего мнения, стараясь пробудить в человеке его собственное. При этом Конфуций и Сократ шли разными путями: первый оглядывался на историю и во всем хотел видеть гармонию, такую свойственную китайскому менталитету, а второй искал истину в логике и верности суждений.

УДК 1(091)(510)

ББК 87.3

ISBN 978-5-17-145143-1

© В.В. Малявин, перевод, составление, предисловие, комментарии, 2022
© Е.А. Ямбург, комментарии, 2022
© И.А. Канаев, перевод, комментарии, 2022
© А.В. Марков, составление, предисловие, комментарии, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Конфуций и Сократ

Сократ и Конфуций принадлежат не совсем к одному времени (греческий мыслитель был лет на 80 моложе китайского), но к одной эпохе, которую вслед за немецким философом Карлом Ясперсом принято называть “осевым временем”: временем поисков смысла жизни во всем мире, появления новых представлений о справедливости, правде и спасении. Сходного между ними больше, чем различного: они были педагогами и учителями не для какого-то отдельного города или области, в отличие от прежних моралистов, пророков и поэтов, но для всей страны, всего Китая и всей Греции.

Оба философа исходили из того, что для поддержания порядка недостаточно только санкции свыше, санкции богов или небес, но нужны совместные усилия множества людей, то чувство правильности, которое должно войти в душу каждого человека. Они оба думали об образцах и их существовании, и хотя для Сократа они находятся в мире чистой логики, мире правильно построенного рассуждения, а для Конфуция — в мире прежней истории, присущих китайцам гармонических навыков управления, они оба стремились обратить взгляд современников от частных и мелочей жизни к общим идеям и правилам.

Иначе говоря, они оба — идеалисты в высшем смысле, для которых идея или образец уже пребывает в мире, уже ближе к нашей сущности и сущности вещей, чем поверхностное или обманчивое их восприятие, и нужно только немного приучить свой ум верно рассуждать, как мы откроем самое родное в себе и в вещах. Сократ, конечно, больше ведет ум в неизвестное, в отличие от Конфуция, но Сократ и разговаривал с молодыми людьми, готовыми к дерзости, а не с почтенными старейшинами.

И Конфуций, и Сократ как люди “осевого времени” не были эрудитами в банальном смысле, но заведя разговор, блещущий интуицией, они получали все науки в руки, как в сказках приобретают чудесных помощников. Оба, наконец, действовали, предпочитая благоустройство этого мира чрезмерным мечтам о том, что мир мог бы стать другим — такой подменной фанта-

Александр Марков

зии оба противопоставили заботу о том, чтобы мысль оказалась прямо сейчас мыслью, настоящим размышлением о происходящем, а не догадкой, подчиненной чуждым ей целям.

Для Конфуция благо состоит в ритуале, для Сократа — в знании, но это просто текущее состояние блага, а совершается оно как данность тогда для них, когда продолжается разговор. Мы включаемся в него сейчас.

Александр Марков

КОНФУЦИЙ

Учение

Предисловие

Черета поколений подобна
одному человеку, который
непрерывно учится.

Б. Паскаль

Человек, получивший от современников почетное прозвище Кунфу-цзы, что значит «почтенный учитель Кун», а в Европе известный под латинизированным именем Конфуций, жил две с половиной тысячи лет тому назад в стране, удаленной от Европы на десятки тысяч верст. Он не сделал политической карьеры, не одержал громких побед на полях сражений, не поразил мир гениальными открытиями и, будучи очень скромным, даже не оставил потомкам письменных поучений. Но ему удалось то, о чем может только мечтать каждый человек, и в особенности человек учительствующий: слава о нем облетела весь мир, а на его родине, в Китае, память о нем и сегодня заявляет о себе неоспоримой наглядностью материальных предметов. В лежащем у подножия Шаньдунских гор городке Цюйфу, родном городе Конфуция, приезжому непременно покажут и старинную усадьбу рода Кунов, где живут прямые потомки — теперь уже в семьдесят восьмом поколении! — древнего мудреца, и могилу самого Конфуция. Нынче в Цюйфу каждый год проводят пышные празднества в честь первого Учителя Китая. Под грохот барабанов и завывания труб актеры, одетые в экзотические костюмы, с топорами и секирами в руках исполняют ритуальные танцы, которые доводилось видеть самому Конфуцию. И в воздухе, напоенном терпким запахом благовоний, звучат слова хвалебных гимнов величайшему мудрецу Китая:

Велик, велик, велик Конфуций!
Ему ведом вселенский путь вещей.
Он телом стал одним и с Небом, и с Землей.
О, Учитель десяти тысяч поколений!..

Если заслуги учителя определяются тем, насколько его жизнь, его опыт и мысли продлеваются в его учениках, то Конфуция и в самом деле можно назвать величайшим Учителем всех времен: имя его стало подлинным символом мудрости целого народа, а память о его жизни, о его неповторимой личности сохранилась до наших дней. В чем же секрет этой необыкновенной жизненности наследия Учителя Куна?

Ответ прост, но требует долгих размышлений: Конфуций первым в истории открыл человека; он был учителем человечности в человеке. До Конфуция на земле были только боги или потомки богов — цари, герои, божественные первопредки. Конфуций с простотой, достойной основоположника великой цивилизации, провозгласил: у человека нет лучшего призвания, чем осознать себя человеком и стать творцом культуры — единственной реальности, которая целиком и полностью создается людьми. И в этом усилии самоосознания, высвечивающего в жизни Прекрасное, Возвышенное и Должное, человек, по Конфуцию, не уступает богам.

Что же, согласно Конфуцию, делает человека подлинно человеческим, что очеловечивает человека? Не что иное, как способность осмыслить свою жизнь, судить самого себя, совершенствоваться всегда и во всем — способность, данная человеку от природы и все же реализуемая нами через непрестанное и многотрудное усилие. В ней сходятся и приходят к равновесию, друг друга обуславливая, природное и культивированное, знание и действие.

Но усилие самосовершенствования, как всякая практика, всякое искусство, не может осуществляться на пустом месте. Оно требует своего материала, и материал этот, как хорошо видел Конфуций, составляет ему культура, еще точнее — культурная традиция, в которой запечатлен опыт совершенствования, самоочеловечивания многих поколений людей.

В деле учительства должно цениться в первую очередь не оригинальное, даже не умное, а просто долговечное, непреходящее, вечнопреемственное в нашем опыте. Воистину же неизменно всякое мгновение жизни, озаренное светом разума. Культура, по своей сути, есть жизнь, наполненная сознанием и сознательно прожитая; жизнь неумирающая, ибо она простирается в вечность. А творчество, способность человека к самообновлению, открытию новых горизонтов своего бытия оказываются в итоге лучшим залогом человеческого постоянства.

Конфуций был первым и, может быть, самым убежденным и последовательным защитником культуры в человеческой истории. Этим определено его значение как педагога.

Если верить преданию, Конфуций родился в 551 г. до н.э. от весьма экстравагантного брака семидесятилетнего воина-ветерана и семнадцатилетней девушки. Еще в раннем детстве он лишился отца и вырос в доме матери, познав нужду и бедность. Но он причислял себя к служилому сословию и мечтал о славе государственного мужа. Однажды, лет шестнадцати от роду, Конфуций даже явился на званый пир в дом одного знатного вельможи, но приврат-

ник прогнал его со двора, заявив, что хозяин не принимает у себя таких оборванцев. Будущий «наставник всех поколений» не смутился и не озлобился, а продолжал все с тем же упорством готовить себя к государственной карьере. И был вознагражден за свое усердие. Вскоре он получил должность смотрителя амбаров, а потом смотрителя пастбищ в своем родном царстве Лу. Со временем необыкновенная книжная эрудиция и превосходное знание старинных церемоний принесли ему известность при царском дворе, но сделать карьеру чиновника Конфуцию так и не удалось. Он был слишком прямодушен и искренен, чтобы выжить в обществе дворцовых интриганов. Несколько лет он провел в добровольном изгнании, сопровождая законного правителя царства. Позднее, уже занимая должность главного судьи царства Лу, он снова покинул родину, протестуя против неблагоприятного поведения государя. Четырнадцать лет Конфуций колесил по городам и весям, проповедуя принципы «добротного правления». Местные правители с почетом принимали знаменитого ученого, сочувственно выслушивали его и... вежливо выпроваживали. Никто из них так и не поверил словам Учителя Куна о том, что власть в этом мире дает не сила, а учение и добродетель. В конце концов Конфуций возвратился на родину и стал жить, как гласит предание, «в праздности», отдавая свое время ученым занятиям и воспитанию учеников.

Чего же добивался Конфуций? В чем черпал он силы противостоять нелегким жизненным обстоятельствам? Отметим, прежде всего, что жизнь Учителя Куна пришлась на время упадка династии Чжоу, когда страна распалась на множество самостоятельных уделов, а прежний жизненный уклад оказался поколебленным: в обществе усиливалось брожение, всюду зрели семена смуты и междоусобных войн. За пятьсот лет до Конфуция, когда чжоусцы завладели Китаем, их вожди объявили, что верховное божество, или Небо, дало им власть над миром за их несравненные доблести. Результатом этой попытки оправдать воцарение дома Чжоу стало быстрое обмирщение чжоуской религии. С легкой руки чжоуских летописцев древние мифы превратились в назидательные исторические повествования, ведь с точки зрения чжоуских идеологов люди сами предрешают свою судьбу. Возникло понятие Небесного Пути (тянь дао), которое обозначало исток мирового движения, судьбу всего сущего, стоявшую даже выше духов. Общения с божественными силами чжоусцы стали искать в самоуглубленности, нравственно оправдываемом самообладании. Так религия в чжоуской традиции постепенно заслонилась этикой, жизнь праведная приобрела значение жизни правильной.

Впрочем, так было только в теории. В реальной жизни упадок авторитета старых богов вовсе не означал, что люди автоматически осознали собственную моральную ответственность. Конфуций был свидетелем острейшего кризиса традиционных духовных ценностей чжоусцев и испытал его последствия на собственном опыте. Он предложил свой, в общем-то, простой и ясный рецепт восстановления былого порядка: каждый человек должен сам понять глубокий нравственный смысл древних установлений и претворить его в своей жизни. Власть, не подкрепленная добродетелью, разрушает общество. Тиран может водворить в государстве порядок, он даже может создать в стране видимость благополучия, привести к процветанию науки и искусства, но он никогда не сможет сделать людей счастливыми.

Итак, первый совет Конфуция для всех людей и на все времена: начни исправлять мир с самого себя; прежде чем поучать других, позаботься о собственном совершенствовании. Вот почему у Конфуция просто не было шансов добиться успеха в политике, которая прежде и превыше всего есть искусство манипулировать другими людьми. Но по той же причине он имел огромный успех в деле учительства и воспитания. В своем доме Конфуций открыл, кажется, первую в историю частную школу, где в разное время обучались несколько сотен учеников, из которых, по преданию, семьдесят «прославили свое имя».

Весь смысл деятельности Конфуция-политика и Конфуция-воспитателя сводился к восстановлению авторитета чжоуской традиции, в сущности, единственной культурной традиции, известной ему. Но как человек новой эпохи, как Учитель человечности Конфуций подверг серьезному пересмотру центральное для чжоуской культуры понятие «ритуала» (ли). Первоначально относившееся только к культовым поклонениям предкам и божествам, оно стало во времена Конфуция знаком мировой гармонии, средством нравственной самооценки человека, нормой красоты. По той же причине Конфуций со всей серьезностью относился к исполнению традиционных ритуалов: последние были в его глазах лучшим средством воспитания. Правда, значение их вовсе не сводилось к внешней обрядности. Ритуал для Конфуция был, повторим, только поводом к самопознанию; в своем пределе он был некоей предвечной, как бы эмбриональной, вечносущей — ибо всецело сознательной — формой всех мыслей и душевных движений, некоей бесконечной действительностью, предвещающей, предвосхищающей все события, подобно тому, как семя в известном смысле уже содержит в себе плод. Познавать ритуал означает, по Конфуцию, «держат на ладони весь мир»,

ведь в нем хранится предвечная матрица культуры, или, что то же самое, «семена всех вещей». Познать ритуал — значит прозреть внутреннее, лишь чаемое нашим сердцем совершенство каждой вещи. Сущность же ритуала, согласно Конфуцию, лучше всего выражает музыка — самая искренняя, самая понятная нам вестница полноты и гармонии жизни.

Так, предложенное Конфуцием размышление о нравственной значимости ритуала приводило к открытию главенства безмолвия и покоя в качестве символов, другими словами, истока и условия — всех слов и действий. Истинный ритуал заявляет о себе не чем иным, как бездействием; он есть не предмет, не деяние, а Присутствие. Мудрому правителю, для того чтобы повелевать миром, требуется, согласно Конфуцию, недвижно «сидеть лицом к югу и не более того». Конфуций и сам однажды немало удивил своих учеников, заявив, что «не хочет больше говорить».

«Но если вы, Учитель, не будете говорить, что же мы передадим потомкам?» — спросили ученики. «Разве Небо говорит? — ответил Учитель Кун. — А ведь времена года исправно сменяют друг друга, и все живое растет. Разве Небо что-нибудь говорит?»

Позиция Конфуция не означает отказа от учительства. Китайский мудрец не хочет, чтобы только его индивидуальный, частный голос заглушал все многообразие голосов мира. Он хочет говорить языком полноты бытия. Не нужно говорить там, где правда жизни сама светится в каждом новом впечатлении, каждом жесте, каждом чувстве, где сообщение о некоем предмете целиком стало общительностью, приобщением к внутренней правде жизни. Здесь нужно лишь позволить кристаллу жизни светиться своим таинственным внутренним огнем.

Мудрый прозрачен: сияние небес просвечивает сквозь него... Оттого Конфуций не был философом, который выстраивает свою «систему мысли», закрепляя за словами какие-нибудь особые, им самим установленные значения. Оттого же позиции Конфуция, при всем ее педантизме, так свойственны ирония и даже добродушный юмор: не может не быть ироничным и шутивным тот, кто познал бессилие слова определить реальность и вместе с тем знает, что без слова человек не сделает себя человеком.

Акцент Конфуция на ценности безмолвия — это тоже часть, и очень важная, Конфуциева оправдания культуры. Он напоминает о том, что все явленное — это только метафора, «превращенная реальность». Но метафора неустранима в нашем восприятии, и в этом необходимое условие существования культуры, всегда оправдывающей декоративное, орнаментальное, иносказательное в жизни.

Культура, воспринятая под знаком метафоры, предстает царством теней, следов, отблесков незримого. В этом смысле культура в самом деле бессмертна. Пусть исчезнет галактика — культура как момент «самопревращения» бытия, игры сущности с собственной тенью останется.

Выскажемся еще определеннее: апология безмолвия у Конфуция — это не только не отказ от учительства, но и самое решительное, самое радикальное его оправдание. Ибо учитель потому и учитель, что он непонятен, непрозрачен для учеников, овеян аурой тайны. Безмолвие — признак разделения на посвященных и не посвященных, и мудрецы в Китае превыше всего ставили «обучение без слов», т.е. такое обучение, которое побуждает возвращаться вновь и вновь к домыслимому, совершенно непосредственному и конкретному переживанию жизни. Перед смертью Конфуций говорил, что никто в мире не понял его. Вот, поистине, слова, достойные великого Учителя!

Становится понятным теперь, почему в наследии Конфуция такое огромное значение имеют именно материальные его атрибуты, декорум жизни Учителя. Быть причастным к Конфуциевой традиции — значит пребывать в «тени Учителя».

Главный источник для изучения взглядов Конфуция — книга, именуемая по-китайски «Лунь юй». Ее прежний общепринятый перевод — «Беседы и суждения», но правильнее переводить «Обсужденные речи» или даже «Выбранные речи». Она представляет собой сборник отдельных высказываний Учителя, записанных учениками уже спустя много лет после его смерти. Настоящий предмет этой книги — не доктрина, а сама личность Учителя или даже, точнее, та часть его личности, в которой воплощается воля мудрого к самоустранению всего субъективно-ограниченного в нашем опыте, приведению себя к согласию с мировым порядком. Но будем помнить, что, превозмогая все частное в себе, «Учитель всех поколений» на самом деле входит в жизнь, претворяет свое индивидуальное бытие в неумиряющее родовое тело жизни. Отсюда столь странное для европейца сочетание торжественного пафоса книги и малозначительности, порой шокирующей тривиальности упоминаемых в ней деталей из жизни величайшего мудреца Китая. Мы узнаем, к примеру, что Конфуций одевался скромно и практично: летом носил «холщовый халат, непременно надетый на легкую рубашку, чтобы соблюсти различие между верхним платьем и исподним». У себя дома он носил отороченные мехом халаты с обрезанным правым рукавом — так было удобнее и для ученых занятий, и для различных хозяйственных работ. Постясь перед жертвоприношением предкам, он обязательно надевал платье из самой грубой материи, ел самую

грубую пищу и не сидел на своем обычном месте. А вот каких правил придерживался Учитель Кун за столом:

«Учитель не съедал весь поданный ему рис и все поданное на стол мясо. Он не ел прокисший рис и пищу, источавшую дурной запах. Он не ел плохо приготовленную пищу и никогда не кушал в неурочное время. Он не ел пищу, если она не была нарезана, как принято, мелкими кусочками, и не принимал пищу, лишенную подобающей ей приправы. Даже если на столе было много мяса, он всегда ел больше риса, чем мяса...»

Конфуций умел держаться просто, но с достоинством. В часы досуга, сообщают ученики, он был «радушен и весел». Если рядом кто-то запевал песню, которая ему нравилась, он охотно подхватывал. При случае, чтобы поддержать застолье, он не отказывался от чарки вина, но «никогда не бывал пьян». Он даже не протестовал против веселых гуляний в дни деревенских праздников, резонно замечая, что у крестьян есть потребность время от времени отвести душу, ведь и «лук, если его держать всегда согнутым, потеряет свою упругость». Однако, встретив человека, носившего траур, он неизменно «принимал торжественный вид» и был безупречно учтив даже с нищими слепыми музыкантами, которых люди из «хорошего общества» вовсе не замечали. Он никому не навязывал своего мнения, и в числе самых памятных качеств Учителя его ученики называют именно его деликатность. Но, когда обстановка того требовала, он проявлял необыкновенную мужественность и не терял присутствия духа даже в минуту смертельной опасности.

Надо сказать, что Конфуцию было нелегко стать для своих современников всеобщим эталоном благовоспитанности. Природа наградила его грузным телосложением и весьма экстравагантной, если не сказать уродливой, внешностью: над его некрасиво выпученными глазами нависал необычайно массивный лоб, его уши были чрезмерно длинными, нос — толстым и мясистым, а из-под вздернутой верхней губы выступали наружу два неестественно больших передних зуба. На темени у него от рождения была глубокая вмятина, дававшая пищу для бесконечных пересудов. Кроме того, Конфуций отличался необычайно высоким ростом, за что его в молодости даже называли верзилой. И тем не менее благодаря многолетней работе над собой Учитель Кун в свои зрелые годы сумел снискать всеобщую симпатию современников и стать настоящим законодателем хороших манер.

И еще одна примечательная черта: жизненные правила Учителя Куна, как мы уже могли заметить, проникнуты заботой о здоровом и гармоничном образе жизни. В поведении и привычках Конфуция мы не найдем никаких причуд, никаких болезненных слабостей,